

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2026-154-1-54-67>

IRSTI 16.21.51
Research article

А.Е. Бижкенова*^{ID}, **А.Е. Мусатаева**^{ID}

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: abizhkenova@inbox.ru *, aizhan016@gmail.com)*

О ПАРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ АГОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию парольной функции военно-политической лексики в официальных СМИ Казахстана, России и США. В работе анализируется степень изученности скрытых прагматических функций политического языка, особое внимание уделяется механизмам воздействия на массовое сознание через специализированную лексику и устойчивые дискурсивные конструкции. Обсуждаются ключевые теоретические подходы к пониманию механизмов политического дискурса (Т. ван Дейк, П. Чилтон, Дж. Лакофф, Е. Шейгал, О. Чернявская, А. Баранов и др.), что позволяет выявить многоуровневую природу политической коммуникации. Также в статье выделяются основные категории, признаки и уровни проявления парольной функции, включая лексический, семантический и прагматический аспекты. На основе когнитивного, прагматического и дискурсивного анализа раскрываются особенности реализации парольных функций в медиатекстах. Предлагается систематизация типов парольных моделей, функционирующих в современном военно-политическом дискурсе, что способствует более глубокому пониманию стратегий формирования идеологических установок и интерпретации политической реальности. Представлены примеры из современных медиа Казахстана, России и США, отражающие специфику национальных политических кодов. Итогом является описание методологии анализа парольной функции, медиадискурс, когнитивные фреймы, дивергентные смыслы.

Ключевые слова: политический дискурс, военно-политическая лексика, парольная функция, агональность, медиадискурс, когнитивные фреймы, дивергентные значения.

Поступила: 29.12.2025; Доработана: 02.03.2026; Одобрена: 13.03.2026; Доступна онлайн: 31.03.2026

Введение

В современном коммуникативном пространстве нетрудно заметить стремительное расширение военно-политического контента, обусловленного ростом военных конфликтов и наличием прямых военных действий на многих территориях мира, в том числе на европейском континенте. Ведение военных действий порождает множество различных изменений не только в сферах экономики, политики, гражданского общества, но также в языках, обслуживающих коммуникативную деятельность на всех уровнях и направлениях. По этой причине актуальным и необходимым видится изучение военно-политической лексики с выявлением словарных источников и закономерностей речевого функционирования.

Лексический уровень языка наиболее чутко реагирует на изменения социальной и политической реальности, поскольку именно через номинацию и переосмысление значений фиксируются новые формы опыта и оценки происходящих событий. В условиях военно-политического дискурса эти процессы приобретают особую прагматическую значимость, так как выбор лексических средств напрямую связан с задачами воздействия и управления интерпретацией. Все новое в окружающей реальности получает свою номинацию, которая может выражаться в форме либо семантического обновления, расширения значения имеющейся в языке лексической единицы, либо создания новой лексемы путём деривационных механизмов. В результате таких внутриязыковых процессов возникают целые пласты лексики, которая однозначно в смысловом выражении соответствует запросам той или иной коммуникативной цели и функциональным задачам речи. Именно таким образом язык выступает не только средством передачи информации, но и инструментом воздействия, формирования интерпретации и моделирования социальной реальности.

Методы исследования

Настоящее исследование отличается комплексным подходом к анализу целевой тематики с теоретической и практической стороны: степени изученности, новизны и применения в реальном дискурсивном пространстве. Комплексность выражается в сравнительно-сопоставительном, когнитивно-прагматическом, семантико-тематическом подходах к научному анализу.

Основной целью настоящей статьи является рассмотрение такой важной отличительной характеристики военно-политического дискурса, как его семантическая многослойность, смысловая объёмность и имплицитность, в частности, достигаемая через использование особой тематической лексики. В задачи исследования входит изучение целевого дискурса с позиций его функционирования и смысловых особенностей лексического состава. Важными для изучения являются понятия функциональных принципов агональности и смысловой паролности лексики рассматриваемого дискурса.

Коммуникативные цели речевого высказывания сопряжены с реальной ситуацией вещания, в нашем случае, военно-политической сферой с акцентом на скрытые смыслы и эффект персуазивности.

Особая наполняемость тематической лексикой и лексическими сочетаниями приводит военно-политический дискурс к новым оттенкам речевой коннотации, которые также восходят к функциональным целям коммуникации. Появляется дискурс, который изобилует языковыми средствами, направленными на выражение состоятельности, доказательство правоты, убеждение в истинности того, о чем ведётся спор, борьбы за первенство и т.п. Речь идёт о таком принципе речевого выстраивания, как агональность.

Исторически в античные времена древних греков и римлян агональность заключалась в борьбе, соперничестве, нацеленности на достижение победы, например, в спорте. Если переложить этот основной смысл на цели в современном дискурсе, то это могут быть следующие: установление превосходства, доминирование в отношениях, победа в определенном виде деятельности, получение соответствующего выигрыша и достижение статуса.

Согласно мнению Соловьяновой Е. В., разностороннее изучение агональности в настоящее время только начинается (Соловьянова, 2021). По данным автора, агональность рассматривается в таких науках, как философия и социология (Хейзинга 1992, Ершов 2007, Яровой 2012), экономика (Щербина 2007), психология (Самохвалов 2011), лингвокультурология (Калашникова 2005, Акимкина 2007), лингвистика (Михалева 2002, Верзун 2005, Дешевова 2010, Цуцьева 2014).

Рассматриваемый нами военно-политический дискурс активно использует функцию агональности, осуществляя специфический лексический отбор в качестве своего неотъемлемого аргумента, поэтому цель и задачи нашего исследования являются неоспоримо новыми, актуальными и своевременными.

Другим важным аспектом исследования является такая особенность изучаемого дискурса, как парольность. Парольная функция военно-политического дискурса становится на сегодняшний момент явлением межуровневым. С одной стороны, когда говорится о военно-политическом дискурсе, там должно быть все изложено ясно, чётко, недвусмысленно для понимания и правильного восприятия. С другой стороны, это содержание должно формироваться погранично с дипломатическим текстом и иметь гуманистические черты. Это связано с тем, что война несёт с собой не только победу и триумф, но и разрушения, трагедию и безысходность. Поэтому политические эвфемизмы, вежливые пассивные конструкции речи, стилистические вкрапления-разрыхлители играют роль для выработки щадящего эффекта в выражениях. Именно в них заключается так называемая парольность речевого высказывания, имплицитность, латентность речи. Иногда маскируются и прямая угроза, недружелюбие, враждебный настрой и др. Здесь также используется парольная функция дискурса, которая проявляется как скрытый, смягчающий эффект слишком прямолинейной речи. В любом случае, парольность гармонирует с многофункциональностью политического дискурса в целом, который характеризуется комплексом разных подходов в формальном выражении. Пароль – это информация, доступная только «своим», не чужим, тем более не для всех. Это основное содержание термина легло в основу и выражения «парольная функция» — скрытая, не для всех доступная, закодированная речевая деятельность.

Современный военно-политический дискурс характеризуется высокой степенью прагматической насыщенности и ориентацией на управление интерпретацией адресата. В рамках лингвистических и междисциплинарных исследований язык политики рассматривается не только как средство передачи информации, но и как инструмент конструирования социальной реальности, формирования идентичности и закрепления идеологических позиций. При этом военно-политический дискурс выступает как особая разновидность политического дискурса, обладающая повышенной степенью конфликтности, оценочности и имплицитности. В работах, посвящённых анализу политического языка, неоднократно подчёркивается, что дискурсивная власть реализуется через контроль над значениями и интерпретационными рамками. Так,

---

В.Е. Чернявская (2006) рассматривает политический дискурс как механизм речевого воздействия, основанный на имплицитности, недосказанности и использовании кодов, доступных прежде всего «своей» аудитории. По её мнению, политический текст организуется таким образом, чтобы ограничивать доступ к полному смыслу, распределяя интерпретационные привилегии между участниками коммуникации. Данный подход напрямую соотносится с идеей парольной функции как скрытого механизма смыслового кодирования. Схожая трактовка языка как системы символических кодов представлена в трудах Е. Шейгал, где политический дискурс описывается как совокупность знаковых конструкций, несущих идеологическую нагрузку. Особое внимание исследователь уделяет эвфемизации и ритуализированным формам речи, которые позволяют смягчать потенциально конфликтные смыслы и одновременно сохранять их распознаваемость для «иницированных» адресатов. В этом контексте язык функционирует как своего рода кодовый набор, в котором значение слова определяется не столько словарной дефиницией, сколько принадлежностью к определённому дискурсивному сообществу (Шейгал, 2011).

В рамках прагматического и когнитивного подходов А.Н. Баранов подчёркивает, что политический текст ориентирован преимущественно на убеждение и мобилизацию, а не на нейтральное информирование. Лексический выбор, риторические конструкции и стилистические приёмы используются для формирования нужной интерпретации событий. Даже формально нейтральные языковые единицы в политическом контексте приобретают функцию скрытого воздействия, что позволяет рассматривать их как элементы кодирования смыслов и маркеры идеологической позиции (Баранов, 2011).

Критический дискурс-анализ, представленный в работах Н. Фэрклау, также исходит из положения о ненейтральности языка. Дискурс трактуется как форма социального действия, через которую воспроизводятся властные и идеологические отношения. В этом случае выбор языковых средств выступает способом закрепления доминирующих интерпретаций, даже при отсутствии прямых оценок или агрессивной риторики. Таким образом, скрытые механизмы воздействия становятся неотъемлемой частью политической коммуникации (Фэрклау, 2001). Когнитивно-дискурсивный подход Т.А. ван Дейка позволяет рассматривать политический дискурс как инструмент формирования групповых когнитивных моделей. Исследователь показывает, что через дискурс конструируются оппозиции «мы — они», «свои — чужие», а также закрепляются интерпретационные привилегии доминирующих групп. Определённые лексические единицы в этом процессе выполняют функцию маркеров групповой принадлежности, активируя устойчивые идеологические схемы и фреймы (ван Дейк, 2006).

Хотя все вышеупомянутые авторы рассматривают элементы, близкие к парольности — имплицитность, идеологизация, символизм, риторические стратегии, манипуляцию — ни один из них не формулирует парольную функцию как самостоятельную категорию.

В. Чернявская, Е. Шейгал, А. Баранов и др. описывают общий механизм языкового воздействия, но не выделяют уровни скрытности, групповую принадлежность и многоуровневую типологию, которые необходимы для системного анализа парольности. Их подходы чаще ориентированы на манипуляцию, власть или символику, но не предусматривают когнитивно-прагматическую функцию «пароля» — как кодового знака, доступного только «иницированным». Поэтому попытка систематизировать парольную функцию является новым, востребованным шагом в политической лингвистике.

Несмотря на то, что в работах указанных авторов подробно анализируются такие явления, как имплицитность, идеологизация, эвфемизация, символизм и манипулятивные стратегии, сама парольная функция не выделяется ими в качестве самостоятельной аналитической категории. Как правило, внимание сосредоточено либо на механизмах речевого воздействия в целом, либо на отдельных риторических и когнитивных приёмах. Между тем, парольная функция предполагает более сложный, многоуровневый механизм, включающий не только скрытность значения, но и его ориентацию на «инициированного» адресата.

Результаты и обсуждение

Теоретические основания исследования объединяют ключевые положения когнитивной лингвистики, политической дискурсологии, теории речевого воздействия и прагматики. Парольная функция понимается как скрытый, имплицитный механизм смыслового и социального кодирования, который опирается на когнитивные модели, идеологические структуры и практики групповой идентификации.

В соответствии с моделью Т.А. ван Дейка парольные выражения выступают элементами контроля когнитивных структур адресата. Они активируют дуальные оппозиции «мы – они», «свои – чужие», усиливают позитивный автопортрет группы и формируют негативное восприятие внешних факторов (ван Дейк, 2013). Парольная лексика выступает медиатором между текстом и идеологией, облегчая интерпретацию в «нужном» направлении.

П. Чилтон, рассматривая современную политическую коммуникацию через категории безопасности, угрозы и дистанции (Чилтон, 2004), приходит к выводу, что именно парольные формулы формируют пространство доверия: они сигнализируют «безопасный канал» для «своей» аудитории, подтверждая принадлежность говорящего к группе.

С точки зрения теории фреймов Дж. Лакоффа парольная лексика служит «ключами» к активизации определённого морально-политического фрейма (Лакофф, 2014). Например, лексемы *freedom, security, patriotism* запускают разные политические модели в США, будучи маркерами право или леворадикального дискурса.

По Е. Шейгал, политический дискурс функционирует как ритуализированная игра символов; парольные выражения становятся маркерами символической принадлежности и обязательными элементами политического ритуала (лозунги, постоянные формулы, устойчивые клише) (Шейгал, 2011).

В. Чернявская (2006) связывает парольную функцию с феноменом имплицитного воздействия, когда смысл выражения доступен только «осведомлённому» адресату. Парольная лексика создаёт интерпретационную асимметрию: одни считают скрытый смысл, другие — нет.

А. Баранов (2011) трактует парольную функцию как разновидность речевого кодирования, направленную на выявление групповой идентичности и управление восприятием. Парольные элементы могут выполнять роль «идеологических индексов».

Итак, синтезируя имеющиеся трактовки парольной функции в современной теории коммуникации и дискурса, примем для настоящего исследования положение о том, что парольная функция военно-политической лексики определяется через совокупность когнитивных, прагматических, семантико-стилистических и социолингвистических

характеристик. Эти признаки позволяют описать, как именно слово или выражение превращается в «пароль» — то есть в языковой маркер групповой идентичности, идеологической позиции или специфической интерпретационной модели.

Парольную функцию определяем как способность языковых единиц выражать групповую принадлежность, отнесенность к сфере идеологической солидарности и разделяемой системы интерпретаций. В отличие от поверхностных прагматических значений, парольная функция действует скрытно, опираясь на «закрытые» значения, недоступные для внешнего наблюдателя без владения специфическими кодами.

Она включает следующие компоненты:

Кодирование внутригрупповых смыслов. Парольные единицы передают значения, которые понятны только участникам определённого сообщества. Как подчёркивает Т.А. ван Дейк (2006), группы создают собственные «когнитивные модели событий», которые регулируют интерпретацию текста. Парольная лексика встроена именно в такие модели.

Использование дивергентного признака смыслового выражения. Имплицитность — ключевой признак парольной функции. Согласно В.Е. Чернявской (2014), политический дискурс намеренно использует «коды и намёки», которые позволяют членам группы узнавать «своих» без прямой номинации. Парольность усиливает границу между «мы» и «они», создаёт эффект конвенциональной дифференциации и секретности.

Активация эффекта когнитивного прайминга (фреймов, идеологических квадратов, интерпретационных схем). В отличие от прямой номинации, парольные выражения:

- не обладают фиксированным открытым значением,
- раскрываются только в контексте идеологической позиции,
- опираются на коллективный опыт группы,
- существуют в виде «скрытого смысла», который не может быть извлечён из словаря, иногда даже противоречат их поверхностному значению.

Их интерпретация зависит от:

- медийного контекста,
- политической ситуации,
- идеологических ожиданий аудитории,
- предшествующего дискурса,
- культурной памяти.

Таким образом, парольная функция – это не свойство отдельного слова, а механизм взаимодействия слова, контекста и идеологии, формирующий скрытые групповые значения.

Другим важным аспектом парольной функции, как предопределено выше, является ее прайминговый эффект, т. е. опора на способности отдельных лексем запускать заранее усвоенные когнитивные структуры, которые организуют интерпретацию политических сообщений. К числу таких структур относятся фреймы, идеологический квадрат и другие интерпретационные схемы, закреплённые в политическом дискурсе конкретного сообщества.

Согласно Ч. Филлмору и Дж. Лакоффу, фрейм представляет собой структурированную схему, включающую типовые роли, события и оценочные параметры (Лакофф, 2014).

Парольные выражения активируют фрейм мгновенно — без необходимости развернутого объяснения. В российском медиадискурсе выражение «коллективный запад» автоматически включает фрейм внешней угрозы, противостояния и давления.

В казахстанском медиадискурсе словосочетание «сыртқы күштер» / «внешние силы» активизирует фрейм скрытого вмешательства и попыток дестабилизации (Егемен Қазақстан, 2023). В американском медиадискурсе «national security threat» запускает фрейм угрозы национальной безопасности и необходимости превентивных действий (РИА Новости, 2023). Таким образом, пароль не просто обозначает явление, но направляет читателя к заранее установленной модели понимания, сужая интерпретационное поле.

Т.А. ван Дейк (2006) в своих работах по критическому дискурсу описывает идеологический квадрат как универсальный когнитивно-дискурсивный механизм, через который осуществляется бинарное противопоставление «мы — они». Парольная лексика служит триггером именно этой схемы, усиливая:

- позитивные качества своей группы — подчёркивать, расширять;
- негативные качества другой группы — акцентировать;
- негативные качества своей группы — скрывать или смягчать;
- позитивные качества другой группы — игнорировать.

Парольные выражения автоматически помещают участников в бинарную структуру: так, «наши бойцы» — «наёмники» — маркируют «своих» и «чужих», а «ұлттық бірлік» / «национальное единство» противопоставляется «радикалды топтар» / «радикальные группы» (Егемен Қазақстан, 2023). Тогда как, в американском медиадискурсе «gogue states» создаёт образ опасных «других», противопоставленных демократическому миру. Здесь пароль аккумулирует смысл, читателю не объясняют, почему группа «чужая» — это уже встроено в когнитивную схему (РИА Новости, 2023).

Интерпретационные схемы и идеологические макромодел

Военно-политический медиадискурс формирует устойчивые интерпретационные схемы, имеющие бинарную структуру: «угроза — защита», «хаос — порядок», «свои — чужие», «демократия — авторитаризм».

Парольная лексика работает как маркер принадлежности к определённой схеме. Таким образом, в казахском дискурсе выражения «тұрақтылық пен бейбітшілік» / «стабильность и спокойствие» вызывают схему «порядок против хаоса». Тогда как термин «денацификация» запускает мощную историко-оценочную схему борьбы с абсолютным злом. А в американском медиадискурсе «freedom agenda» вызывает схему «экспорт свободы» как морально оправданной миссии, где пароль не описывает ситуацию, а помещает её в идеологически заданный сюжет.

Главная функция пароля — ограничить интерпретационное пространство. Когда активизируется фрейм, читатель автоматически интерпретирует событие только в его логике. Альтернативные трактовки оказываются маргинальными или невозможными. Если событие описано в казахстанских СМИ как действие «деструктивті күштер», читатель не рассматривает его как социальный протест или гражданскую активность — фрейм вмешательства уже задан. Термин «Специальная операция» не позволяет воспринимать событие как полномасштабную войну. Конструкция «democrasy promotion» исключает интерпретацию внешней политики США как интервенции или давления.

Таким образом, парольная лексема одновременно кодирует групповую позицию, подавляет альтернативные интерпретации и мгновенно активизирует когнитивные сценарии, встроены в дискурс конкретной страны.

Маркировка лояльности или оппозиционности

По А.Н. Баранову, политический текст всегда содержит элемент «оценочной направленности», даже если он кажется нейтральным. Парольные единицы именно и

сигнализируют лояльность или противопоставление без прямой декларации (Баранов, 2011). Встраивание слов как «коллаборанты», «нацисты», «марионеточный режим», «патриоты» может мгновенно маркировать, какую позицию занимает говорящий. Такие слова не описывают реальные свойства объектов, а выполняют кодирующую функцию.

Согласно анализу, лексика военно-политического дискурса может выразить определенные категории и признаки парольной функции. К ним, в частности, относятся такие, как когнитивные, прагматические, семантико-стилистические, социолингвистические признаки. Рассмотрим их подробнее с примерами.

Когнитивные признаки

Эта категория связана с тем, какие фреймы активизирует слово или выражение и какую идеологическую модель включает в сознании адресата.

В казахстанских медиа, например, выражения типа «внешние деструктивные силы» автоматически вызывают фрейм угрозы стабильности и попыток вмешательства во внутреннюю политику.

В российском контексте выражения «коллективный запад» или «цветная революция» задействуют устойчивый фрейм противостояния с внешним оппонентом. В США выражения «rogue states» или «hostile foreign actors» включают модели угрозы демократическому порядку или безопасности государства. Во всех случаях срабатывает именно внутренний набор интерпретаций, встроенный в политическую картину мира аудитории.

Прагматические признаки

Эти признаки отражают коммуникативную задачу – маркировать принадлежность, выразить позицию без прямых утверждений, консолидировать аудиторию. По мнению Петрова В.В., Абрамова С.Р., Матушкина В.А., Кожевникова С.П. выполняет парольную функцию, обеспечивая разграничение «своих» и «чужих» за счёт имплицитного усвоения смыслов, идеологических установок и оценочных маркеров. Восприятие и интерпретация таких языковых единиц осуществляется преимущественно на неосознаваемом уровне, что повышает скорость и эффективность коммуникативного воздействия и способствует формированию устойчивых когнитивных и поведенческих паттернов у адресата (Вашингтон пост, 2023).

В Казахстане выражения «национальные интересы» или «общественная стабильность» становятся маркерами позиционирования в рамках официального дискурса, позволяя говорящему обозначить лояльность.

В России выражения «свой» и «чужие» реализуются через обозначения вроде «пятая колонна», «иностранные агенты», которые сразу задают прагматическую рамку, кто поддерживает линию власти, а кто нет.

В США прагматическая маркировка часто проявляется в выражениях «support our troops», «anti-American narratives», которые сигнализируют принадлежность к определённом политическому лагерю или ценностному полю.

Таким образом, парольные конструкции позволяют участнику коммуникации проявить позицию без прямых деклараций.

Семантико-стилистические признаки

Сюда относятся эвфемизмы, метафоры, сравнения, интертекстуальные сигналы, которые скрывают прямой смысл и запускают «свой» код восприятия. В отечественном медиадискурсе можно наблюдать эвфемизмы типа «предупредительные меры» или «деструктивные элементы», используемые для смягчения прямых оценок.

В российском медиадискурсе метафоры вроде «красные линии», «партия войны», «коричневая чума» или эвфемизмы «специальная военная операция» служат узнаваемыми сигналами для своей аудитории.

В США схожую роль играют конструкции «security assistance», «freedom-loving nations», «axis of evil», которые давно встроены в риторику внешней политики. Интертекстуальность также важна, выражение «defending democracy» в американском медиадискурсе функционирует как символическое обозначение идеологической миссии. Семантическая многозначность, согласно Крюкову А.П., Агафонову А.Ю., Козлову Д.Д., Шилову Е.И. воспринимается и обрабатывается адресатом на имплицитном уровне: альтернативные значения актуализируются одновременно, но с разной степенью активации. Данная асимметрия семантической активации обуславливает преимущественное понимание “своего” значения, функционально релевантного для конкретного идеологического поля, что позволяет такой лексике выполнять парольную функцию — маркировать принадлежность к группе и направлять интерпретацию сообщения без осознанного анализа (Крюков и др., 2017).

Социолингвистические признаки

Эти признаки связаны с тем, как слово или выражение существует в группе, насколько оно повторяется, узнаётся и зависит от политической ситуации.

В казахстанском медиадискурсе термины «террористическая угроза января» или «иностранные провокаторы» получили внутреннюю историю после январских событий, и теперь несут специфическую нагрузку в групповой памяти.

В российском медиадискурсе выражения «нацисты» в отношении Украины или «мирные переговоры» в официальной риторике приобрели устойчивую интерпретацию, понятную аудитории без дополнительных пояснений.

В американском медиадискурсе устойчивыми социолингвистическими маркерами стали «patriotic Americans», «threat to national security» — каждый термин понятен и интерпретируется в рамках конкретных политических групп. Эти выражения становятся своего рода культурными кодами, которые работают только в конкретной социальной среде и поддерживаются медийным повторением.

Выявление парольной функции военно-политической лексики предполагает системное сочетание контекстуального, когнитивного, прагматического и сопоставительного анализа. Ниже представлены ключевые аналитические принципы, позволяющие обнаружить скрытые маркеры групповой принадлежности и идеологических позиций.

Контекстуальный анализ

Ключевой смысл лексемы определяется только в конкретном идеологическом или медиапространстве, и зависит от контекста употребления. Парольная лексема редко имеет однозначное значение. Её смысл срабатывает только в привычной для группы системе координат — политической, культурной или исторической. Выражение «иностранный влияние» в контексте обсуждения общественных организаций может функционировать как мягкий сигнал о недоверии, хотя прямые обвинения не формулируются. Термин «коллективный Запад» обозначает не географический объект, а идеологический конструкт, противопоставленный России. Вне российской медиасреды этот фрейм не активируется. Выражение «authoritarian regimes» (авторитарные режимы) в новостях нередко маркирует оппозиционные США государства, создавая оценочный фон без прямой оценки.

Интертекстуальный анализ

Определение скрытых аллюзий на известные политические события, идеологемы, мемы и устойчивые политические нарративы. Парольные выражения отсылают к предыдущим высказываниям политиков, историческим моментам или известным словам, создавая «узнаваемость» внутри группы. Выражение «Январские события» содержит скрытый набор интерпретаций: терроризм/провокация/заговор — в зависимости от официального дискурса. Для внешнего читателя контекст неочевиден. «Красные линии» — устойчивый намёк на границы допустимого поведения других государств. Аллюзия понятна только в контексте российского политического дискурса 2010–2020-х. «Deep state» активизирует идеологему скрытой власти в контексте правоконсервативного дискурса, отсылая к комментариям политиков и медийных фигур.

Когнитивно-фреймовый анализ

Определение ментальной модели (фрейма), которую активизирует конкретная единица. Парольная лексема побуждает адресата мыслить в заданной интерпретационной схеме, как показано в Таблице 1.

Таблица 1. Ментальные модели

Страна	Прайминг-фрейм	Языковые выражения	Парольная функция
Казахстан	стабильность и безопасность	стабильность, конструктивный диалог, угрозы национальной безопасности	интерпретация событий как угрозы стабильности
Россия	«осаждённая крепость»	пятая колонна, внешнее управление, информационная война	активация оппозиции «мы — они»
США	демократия и авторитаризм	rogue states, malign influence, democratic values	востребованность политического нарратива о необходимости защиты демократии

Прагматический анализ

Раскрытие скрытой функции лексемы: маркировка, выражение позиционирования, намёк на принадлежность к идеологической группе. Парольные единицы позволяют говорить «своим» без прямых утверждений, избегая ответственности за открытое высказывание.

«*Конструктивные силы общества*» — намёк на лояльные государству группы без явного перечисления.

«*Наши ребята*» — парольная маркировка солидарности и принадлежности, даже без указания конкретных акторов.

«*Patriotic Americans*» — пароль, используемый для маркировки идеологически «правильных» граждан в республиканском дискурсе.

Сравнительный дискурс-анализ

Сопоставление функционирования одной и той же лексемы в разных странах для обнаружения различий в кодах и интерпретациях показывает, что парольная функция всегда встроена в национальный дискурс и не универсальна. К примеру, лексема «*национальная безопасность*»: В Казахстане чаще связана с внутренней стабильностью и предупреждением радикализации. В России используется для оправдания

геополитических решений и контроля информационной сферы. В США, чаще привязана к внешней политике и международным угрозам.

Другой пример с лексемой «иностранные вмешательства»: в Казахстане обычно относится к НПО или информационному влиянию, в России кодирует идеологему внешнего врага, в США применяется к кибератакам, вмешательству противников.

Заключение

Рассмотрев теоретические положения и примеры практической реализации парольной функции военно-политической лексики в современном агональном военно-политическом дискурсе, приходим к выводу о том, что эта лексика формирует междисциплинарную базу, объединяющую элементы когнитивного, прагматического, дискурсивного, социолингвистического и семантического анализа.

Парольная функция выступает ключевым механизмом политического кодирования, позволяющим медиадискурсу формировать идеологическую солидарность, управлять интерпретациями и конструировать образ «своих» и «чужих».

Исследование парольной функции в официальных СМИ Казахстана, России и США позволяет выявить специфику национальных политических кодов и универсальные механизмы скрытого воздействия в условиях глобальной медиатизации.

Конфликт интересов, благодарность и информация о финансировании

Конфликт интересов отсутствует. Финансирующие организации не участвовали в разработке дизайна исследования, сборе и анализе данных, написании рукописи и принятии решения о публикации.

Вклад авторов

А. Бижкенова внесла основной вклад в разработку теоретической части исследования, включая формирование концепции и научного подхода.

А. Мусатаева осуществила практическую часть работы, включая сбор и систематизацию материалов, а также их первичную обработку. Оба автора принимали участие в обсуждении результатов, подготовке и редактировании рукописи, утвердили окончательный вариант статьи и согласны нести ответственность за все аспекты работы, включая достоверность данных и целостность исследования.

Список литературы

Баранов, А.Н. (2011). Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста. Юрислингвистика, (11), 314-326.

Бисенгали, А.З.-Г., Буркитбаева Ш.Д., Манкеева Ж.А., & Кулманов С.К. (2025). Когнитивные основы новых словоупотреблений в современных казахском, турецком и тувинском языках. Новые исследования Тувы, (2). <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.11>

Гиздатов, Г.Г. (2019). Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана. Политическая лингвистика, 73(1), 127-133. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-15>

Задохин, А.Э. & Водоватова, Т.Е. (2026). Структурно-семантические типы высказываний с имплицитной инвективностью в англоязычных политических текстах. Russian Linguistic Bulletin, 3(75). <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.75.12>

Крюкова, А.П., Агафонов А.Ю., Козлов Д.Д., & Шилов Ю.Е. (2017). Эффект асимметрии семантической активации при неосознаваемом понимании многозначной лексики. СибСкрипт, 70(2), 158-163.

Ларина, О.В. (2023). Имплицитная темпоральность с позиции теории релевантности. Филологические науки в МГИМО, 9(4), 42-54. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-42-54>

Петров, В.В., Абрамова С.Р., Матушкина В.А., & Кожевников С.П. (2024). Характеристики активности ЭЭГ в процессе имплицитного обучения. LIFT Школа молодого нейротехнолога: тезисы участников конференции (26–27 апреля 2024 г.), 1, 102-104. <https://doi.org/10.24412/cl-37228-2024-102-104>

Соловьянова, Е. В. (2021). Агональность в академическом дискурсе. [Автореферат кандидатской диссертации]. Воронеж

Чернявская, В.Е. (2006). Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Учебное пособие. Москва: Флинта.

Шейгал, Е.И. (2000). Семиотика политического дискурса (Автореферат диссертации доктора филологических наук, 10.02.01, 10.02.19). Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет.

Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.

Egemen Qazaqstan. (2023-2026). <https://egemen.kz/>

Fairclough, N. (2001). *Language and Power* (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315838250>

Lakoff, G. (2014). *The ALL NEW Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate*. Chelsea: Chelsea Green Publishing.

RIA Novosti. (2023-2026). <https://ria.ru/>

The Washington Post. (2023-2026). <https://www.washingtonpost.com>

van Dijk, T.A. (2006). Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*, 8(1), 159-177 <https://doi.org/10.1177/1461445606059565>

van Dijk, T.A. (2013). Ideology and Discourse. In M. Freeden, & M. Stears (Eds.), *The Oxford Handbook of Political Ideologies* (pp. 175-196). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199585977.013.007>

А.Е. Бижкенова*, А.Е. Мусатаева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Әскери-саяси лексиканың агоналдық дискурстағы паролдік функциясы

Аңдатпа. Мақала Қазақстан, Ресей және АҚШ-тың ресми бұқаралық ақпарат құралдарындағы әскери-саяси лексиканың паролдік функциясын зерттеуге арналған. Жұмыста саяси тілдің жасырын прагматикалық функцияларының зерттелу деңгейі талданып, мамандандырылған лексика мен тұрақты дискурсивтік құрылымдар арқылы бұқаралық санаға әсер ету тетіктеріне ерекше назар аударылды. Саяси дискурс механизмдерін түсіндірудегі негізгі теориялық тәсілдер (Т. ван Дейк, П. Чилтон, Дж. Лакофф, Е. Шейгал, О. Чернявская, А. Баранов және т.б.) қарастырылып, бұл саяси коммуникацияның көпдеңгейлі табиғатын айқындауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, мақалада паролдік функцияның негізгі категориялары, белгілері және көрініс деңгейлері, соның ішінде лексикалық, семантикалық және прагматикалық аспектілері айқындалады. Когнитивтік, прагматикалық және дискурстық талдау негізінде медиамәтіндердегі паролдік функциялардың жүзеге асу ерекшеліктері ашылады. Қазіргі әскери-саяси дискурста қызмет ететін паролдік модельдердің түрлерін жүйелеу ұсынылып, бұл идеологиялық ұстанымдарды қалыптастыру стратегиялары мен саяси шындықты түсіндіруді тереңірек ұғынуға ықпал етеді. Қазақстан, Ресей және АҚШ-тың қазіргі медиасынан алынған мысалдар ұлттық саяси кодтардың ерекшелігін көрсетеді. Қорытындыда паролдік функцияны, медиадискурсты, когнитивтік фреймдерді және дивергентті мағыналарды талдау әдістемесі сипатталады.

Түйін сөздер: саяси дискурс, әскери-саяси лексика, паролдік функция, агоналдық, медиадискурс, когнитивтік фреймдер, дивергенттік мәндер.

The Password Function of Military-Political Lexis in Agonal Discourse

Abstract. The article is devoted to the study of the password function of military-political lexis in the official media of Kazakhstan, Russia, and the United States. The paper analyzes the degree to which the hidden pragmatic functions of political language have been studied, with particular attention paid to the mechanisms of influencing mass consciousness through specialized vocabulary and stable discursive constructions. Key theoretical approaches to understanding the mechanisms of political discourse (T. van Dijk, P. Chilton, G. Lakoff, E. Sheigal, O. Chernyavskaya, A. Baranov, etc.) are discussed, which makes it possible to reveal the multi-level nature of political communication. The article also identifies the main categories, features, and levels of manifestation of the password function, including lexical, semantic, and pragmatic aspects. Based on cognitive, pragmatic, and discursive analysis, the features of the implementation of password functions in media texts are revealed. A systematization of the types of password models functioning in contemporary military-political discourse is proposed, contributing to a deeper understanding of the strategies for shaping ideological attitudes and interpreting political reality. Examples from contemporary media in Kazakhstan, Russia, and the United States are presented, reflecting the specificity of national political codes. The study results in a description of the methodology for analyzing the password function, media discourse, cognitive frames, and divergent meanings.

Keywords: political discourse, military-political lexis, password function, agonality, media discourse, cognitive frames, divergent meanings.

References

- Baranov, A.N. (2011). Skrytoe (implicitnoe) utverzhdenie v lingvisticheskoy ekspertize teksta. [Nauchnaya stat'ya, Moskva] [in Russian]
- Bissengali, A.Z.-G., Burkitbayeva S.D., Mankeyeva Z.A., & Kulmanov S.K. (2025). Cognitive foundations of new lexical usages in modern Kazakh, Turkish and Tuvan languages. *The new research of Tuva*, (2), 200-215. <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.11>
- Gizdatov, G.G. (2019). Discourse of Identity in the Media Space of Modern Kazakhstan. *Political Linguistics*, 73(1), 127-133. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-15>
- Zadokhin, A. E. & Vodovatova, T. Y. (2026). Structural and semantic types of statements with implicit invective in english-language political texts. *Russian Linguistic Bulletin*, 3(75). <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.75.12>
- Kryukova A.P., Agafonov A.Yu., Kozlov D.D., & Shilov Yu.E. (2017). Effekt asimmetrii semanticheskoi aktivatsii pri neosoznavaemom ponimani mnogoznachnoi leksiki [Effect of Asymmetry of Semantic Activation in Unconscious Awareness of Ambiguous Lexis]. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2), 158-163. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-2-158-163>
- Larina O.V. (2023). Implicit temporality from the perspective of relevance theory. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), 42-54. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-4-37-42-54>
- Petrov V.V., Abramova S.R., Matushkina V.A., & Kozhevnikov S.P. (2023). Harakteristiki aktivnosti EEG v processe implicitnogo obucheniya. <https://doi.org/10.24412/cl-37228-2024-102-104>
- Solovyanova, E.V. (2021). Agonalnost v akademicheskoy diskurse. Diss... kand. filol. nauk. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. [Avtoreferat kandidatskoj dissertatsii, Voronezh]
- Chernyavskaya V.E. (2006). Diskurs vlasti i vlasti diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya. Uchebnoe posobie. Moscow: Flinta.
- Shejgal, E. (2011). Semiotika politicheskogo diskursa. Sankt-Peterburg: Aletejya.
- Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.
- Egemen Qazaqstan. (2023-2026). <https://egemen.kz/>
- Fairclough, N. (2001). *Language and Power* (2nd ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315838250>

Lakoff, G. (2014). *The ALL NEW Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate*. Chelsea: Chelsea Green Publishing.

RIA Novosti. (2023-2026). <https://ria.ru/>

The Washington Post. (2023-2026). <https://www.washingtonpost.com>

van Dijk, T.A. (2006). Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*, 8(1), 159-177 <https://doi.org/10.1177/1461445606059565>

van Dijk, T.A. (2013). Ideology and Discourse. In M. Freeden, & M. Stears (Eds.), *The Oxford Handbook of Political Ideologies* (pp. 175-196). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199585977.013.007>

Сведения об авторах:

Бижкенова Айгуль Ермековна – автор для корреспонденции, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан. E-mail: abizhkenova@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4869-7973>

Мусатаева Айжан Ержановна – PhD докторант, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан. E-mail: aizhan016@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1056-0726>

Бижкенова Айгуль Ермековна – хат-хабар үшін автор, филология ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан. E-mail: abizhkenova@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4869-7973>

Мусатаева Айжан Ержановна – PhD докторант, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан. E-mail: aizhan016@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1056-0726>.

Bizhkenova Aigul Ermekovna – corresponding author, Doctor of Philological Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. E-mail: abizhkenova@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4869-7973>

Mussatayeva Aizhan Erzhanovna – PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. E-mail: aizhan016@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1056-0726>

Copyright: © 2026 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).